

Якушенкова Олеся Сергеевна

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОТИВ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются примеры столкновения различных вариантов толкования термина "культурная безопасность". Автор уделяет внимание анализу понятия безопасности, прослеживая границы этого явления в современном мире. На конкретных примерах статья показывает, что стремление защитить и обезопасить культуру не всегда приводит к желаемым последствиям и может стать причиной прямо противоположного результата. В статье также изучаются традиции, являющиеся потенциально опасными для жизни и здоровья людей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-2/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 2. С. 213-216. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Артикул воинский 1715 г.** // Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. 512 с.
2. **О праве помещиков отдавать неугодных им крестьян в каторжную работу:** Указ от 8 января 1765 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. М.: Юрид. лит., 1987. Т. 5. 528 с.
3. **О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут:** Указ от 13 декабря 1760 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. М.: Юрид. лит., 1987. Т. 5. 528 с.
4. **Общая тюремная инструкция 1915 г.** // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 122. Оп. 1.
5. **Пертли Л. Ф.** Правовое регулирование материально-бытового обеспечения осужденных в учреждениях УИС России: дисс. ... к.ю.н. М., 2006. 210 с.
6. **Петренко Н. И.** Организационно-правовые основы режима исполнения наказания за общеуголовные преступления в местах заключения в пореформенный период (1864-1917): дисс. ... к.ю.н. М., 1997. 213 с.
7. **Уголовное уложение 1903 г.** // Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. М., 1994. Т. 9. 351 с.
8. **Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.** // Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. М., 1988. Т. 6. 432 с.
9. **Упоров И. В.** Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 608 с.

**DEVELOPMENT OF NATIONAL PENITENTIARY POLICY AFFECTING
MICRO-SOCIAL CONDITIONS OF SERVING SENTENCES
IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT**

Yushchenko Dmitrii Yur'evich

*Sevastopol Economics and Humanities Institute (Branch)
of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky
Yushchenko_DY@mail.ru*

The article studies the development of the native penitentiary policy affecting the micro-social conditions of serving sentences including material-living and medical provision of prisoners through the historical and legal analysis of the normative-legal framework governing the sphere of criminal-executive relations in the pre-revolutionary period. The author sets a goal to carry out a brief comparative historical and legal analysis of normative-legal acts of penitentiary direction, the results of which characterize the level of penitentiary policy of the state including living and medical provision of certain social strata contained in custody in the pre-revolutionary period.

Key words and phrases: penitentiary policy; material-living and medical-sanitary provision of prisoners; micro-social conditions of serving sentences; penal legislation.

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматриваются примеры столкновения различных вариантов толкования термина «культурная безопасность». Автор уделяет внимание анализу понятия безопасности, прослеживая границы этого явления в современном мире. На конкретных примерах статья показывает, что стремление защитить и обезопасить культуру не всегда приводит к желаемым последствиям и может стать причиной прямо противоположного результата. В статье также изучаются традиции, являющиеся потенциально опасными для жизни и здоровья людей.

Ключевые слова и фразы: культурная безопасность; традиция; опасность; татуировки; обрезание; культурная динамика; межкультурная коммуникация.

Якушенкова Олеся Сергеевна, к. филос. н.
*Астраханский государственный университет
jestershadow@mail.ru*

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОТИВ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ 15-33-11172 “а(ц)”
«Культурная безопасность в условиях гетеротопии».*

В последнее время все чаще звучат призывы к сохранению традиционной культуры, при этом не всегда ясно, где пролегает граница между обычаями, которые мы готовы защищать, и теми, которые кажутся нам «варварством». В середине августа 2016 года председатель координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев дал интервью радиостанции «Говорит Москва», в котором он коснулся темы

женского обрезания, назвав это «чисто дагестанским обычаем», который «абсолютно не мешает здоровью» [1]. Цитаты из этой беседы быстро разлетелись по сети, вызвав настоящий скандал и волну ответной реакции, заставившей в итоге муфтия отказаться от своих слов [2].

Подобный пример замечательно иллюстрирует факт столкновения культурных традиций: одной, в которой женское обрезание – безусловное табу, и другой, для которой это допустимая норма. И это всего лишь один из фактов, ставящих под сомнение устоявшуюся трактовку культурной безопасности, предполагающую защиту культурных традиций в условиях глобализации.

В западной науке существует несколько понятий, которые связаны с «культурной безопасностью». Во-первых, это, конечно, “cultural security” – термин, который можно дословно перевести как «культурную защищенность» или «безопасность». Этот термин характеризует защиту коренных культур в условиях глобализации, т.е. воздействия других культур. Также он нередко употребляется в смысле сохранения материального наследия. Аналогичным образом на русский переводится второй англоязычный термин, “cultural safety”. В отличие от предыдущего, он затрагивает не столько сферу безопасности объектов культуры, сколько безопасность самих носителей, поскольку развивался в сфере медицины и подразумевал изначально защиту доступа к медицинским услугам для народа маори в Новой Зеландии. В этой связи под культурно безопасной подразумевается духовно, социально, эмоционально и физически безопасная среда, не представляющая угрозы для идентичности [14]. Подобный подход включает в себя уважительное отношение к чужим культурам, не ставящее под сомнение их культурную самобытность, права и потребности.

В России, как пишет исследователь А. П. Романова, под культурной безопасностью понимается не только поддержание безопасности в культурной сфере, как то: предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания [3, с. 261]. Следует также отметить, что нередко в отечественных работах по культурной безопасности приоритет отдается именно вопросу безопасности, в то время как вопросы культуры уходят на задний план.

Приведенный выше пример, касающийся обрезания, интересен тем, что он находится на пересечении двух «безопасностей». С одной стороны, женское обрезание, безусловно, является традицией, причем не только в Дагестане. Это достаточно распространенное явление в Судане, Сомали, Египте, Чаде, Центральноафриканской республике и многих других странах, и сейчас в мире насчитывается примерно 130 млн женщин, переживших данную операцию [13, р. 5]. Хотя нередко можно встретить упоминания о связи женского обрезания с исламом, данное утверждение не совсем верно, поскольку традиция наблюдается и у населения, исповедующего христианство, а, к примеру, в Мали мусульманские религиозные лидеры выступают с призывами к искоренению данной традиции, потому что, по их мнению, она является опасной для здоровья [8, р. 1]. Женское обрезание тесно связано с формированием идентичности в странах, где оно распространено, так как часто является одним из составных элементов обряда инициации, т.е. женщины, прошедшие через эту операцию, расцениваются обществом как достойные замужества и продолжения рода, а те, кто избежал ее, становятся маргиналами.

Таким образом, если рассматривать культурную безопасность как практику, не ставящую под удар формирование идентичности, то обрезание является традицией, которую необходимо защищать. В то же время, если учитывать, что культурная безопасность подразумевает и защиту здоровья носителей культуры, то становится не совсем понятно, как быть с традицией, потенциально представляющей угрозу не только здоровью, но и жизни женщин, поскольку нередко подобные операции проводятся в антисанитарных условиях и часто приводят в дальнейшем к проблемам со здоровьем.

Зачастую при разговоре о культурной безопасности встает и вопрос профессиональной этики. Должны ли медики, руководствуясь принципом “cultural sensitivity” («культурной внимательности, чуткости», принципом, который идет бок о бок с культурной безопасностью), проводить женское обрезание, если данная операция противоречит основам их собственной культуры? А если они отказываются проводить эту процедуру в условиях клиники, не будет ли это означать, что они тем самым косвенно подвергают опасности жизнь человека, операция над которым все равно будет произведена, но уже в антисанитарных условиях?

Кроме того, подобный вопрос встает и в случаях, связанных не с медицинской стороной вопроса, но с теми, кто занимается исследованием культур. Должны ли антропологи вмешиваться в «естественный» культурный уклад, или же, не имея на это права, им следует лишь наблюдать за объектами исследований, не предпринимая попыток изменить культурную обстановку? Здесь стоит упомянуть одного из самых знаменитых и самых спорных американских антропологов минувшего столетия – Наполеона Чаггона (род. 1938). Он стал известен благодаря своим трудам по исследованию амазонских индейцев Яномамо, находящихся в состоянии перманентной войны, и заслужил массу упреков за то, что бесстрастно фиксировал происходящее в этих племенах, не вмешиваясь и не предотвращая кровавые конфликты [11, р. 52]. В то же время любые возможные попытки изменить культурную традицию могут быть рассмотрены как нарушение профессиональной этики.

Столкновение культур нередко влечет за собой угрозу различным культурным традициям. Попытки защитить культуру (т.е. применить принцип культурной безопасности) в рамках одного государства могут ставить под сомнение самоидентификацию носителей других культур, попадающих на его территорию. При этом стоит учитывать, что в обществе могут быть традиции, которые не принимаются мейнстримом и практикуются только в узких кругах, но при этом не перестают быть частью культурного наследия нации в целом. Примером подобного явления может служить татуировка иредзуми в Японии.

Японская татуировка иредзуми появилась в период Эдо благодаря художникам укие-э, которые были также первыми мастерами татуировки, и распространилась сначала среди пожарных, а затем среди преступников и других маргинальных слоев населения. Крайне отрицательно воспринятая властями, иредзуми стала тем не менее одним из маркеров идентичности и групповой солидарности. В эпоху Мейдзи приезжающие в Японию моряки и путешественники тоже нередко попадали под очарование японской татуировки. Так, сохранились свидетельства наличия подобных татуировок у Европейской правящей элиты того периода [5, p. 168]. Несмотря на такую глобальную популярность иредзуми за рубежом, в Японии она до сих пор остается символом маргинальности и ассоциируется прежде всего с японской мафией якудза, хотя, разумеется, они не единственные, кто делает себе подобные татуировки. Носителям таких татуировок на родине закрыт доступ во многие общественные места [7, p. 22], некоторые сауны либо не пускают подобных посетителей, либо требуют заклеивать изображения. Такого рода общественное неприятие отразилось также и на иностранцах, приезжающих в Японию, вынужденных закрывать и прятать татуировки. Однако как быть в случаях, когда татуировку практически невозможно скрыть? В некоторых культурах она является важным маркером идентичности (и не только среди маргинального населения) и вследствие этого наносится на лицо. Здесь стоит упомянуть достаточно шумевший в СМИ случай, когда 60-летнюю новозеландку, приехавшую в Японию на академическую конференцию, не пустили в онсэн (публичную баню) из-за наличия на ее лице традиционной для маори татуировки та-моко [12]. В преддверии олимпиады-2020 и наплыва большого количества туристов японскому правительству пришлось начать искать варианты изменения обстановки в стране, для чего были опрошены 3,7 тыс. онсэнэнов (т.е. традиционных японских бань). Некоторые заведения пытаются самостоятельно отыскать компромисс. Крупная сеть отелей “Hoshino Resorts” предлагает клиентам, к примеру, наклейки, позволяющие скрывать тату [9]. Возможно, именно общественное давление повлияло на тот факт, что японская молодежь наносит себе не японские, а западные типы татуировок [5, p. 170]. Иными словами, общественное давление не искореняет сам факт нанесения татуировок, в то же время уничтожая его культурные корни.

Подобный пример демонстрирует, как попытки защитить культурные устои могут эти устои пошатнуть еще сильнее. Нередко, говоря о защите культуры, мы воспринимаем ее как совокупность уже накопленного опыта, а значит, как застывшую систему. Это влечет за собой вопрос о необходимости защиты всех элементов этой системы. Как отмечает российский исследователь В. Ширяев, распространенное, основанное на перечислении определение культуры убивает сам динамизм культуры [3, с. 99]. Однако, как нам кажется, динамизм является одной из главных характеристик культуры, поэтому попытки защитить или наоборот исключить любые элементы этого явления могут привести к результату, абсолютно противоположному ожидаемому. Для подтверждения этого довода достаточно вспомнить попытки введения «сухого закона» в различных странах. В США, к примеру, подобные действия в 30-х годах XX в. не только не искоренили желание пить, но и увеличили его, поскольку уровень потребления алкоголя в этот период только вырос. Вместе с тем увеличилось количество отравлений, поскольку производившие качественный алкоголь предприятия оказались вне закона и разорились, а производство перешло в подполье [10, p. 23]. Интересно, что подобный подход был достаточно необычен для культуры, которая еще столетия назад полагала, что употребление вина уменьшает потребность населения в более тяжелых алкогольных напитках [Ibidem, p. 24]. Возможно, именно поэтому борьба с алкоголизмом, уничтожившая винную индустрию, и стала причиной еще больших алкогольных отравлений и смертей.

При всем этом, конечно, нельзя игнорировать сам факт того, что некоторые культурные явления могут идти вразрез с законодательством государства и напрямую угрожать жизни и здоровью носителей культуры. По мнению российского исследователя С. Н. Якушенкова, проблемы сохранения культуры (в том числе духовной) однозначно существуют, и их огромное множество, однако сама постановка вопроса обречена на провал, так как любая дефиниция этого понятия не приведет к консенсусу в российском обществе [4, с. 61].

В вопросах сохранения и изменения традиций, возможно, стоит идти не путем запретов и агрессивных действий. На примере попыток запрета женского обрезания данные различных исследований показывают, что наблюдается прямая зависимость между уровнем жизни и уровнем принятия насильственных традиций в обществе (причем признание необходимости обрезания идет вместе с одобрением идеи физической расправы за нарушение женой воли мужа). Соответственно, чем ниже уровень жизни, тем больший процент населения поддерживает домашнее насилие и обрезание, и наоборот, чем выше уровень жизни, тем больше людей воспринимают эти два явления как негативные [6, p. 23]. Из этого следует, что вместе с уровнем жизни растет и культурный динамизм, а низкая финансовая обеспеченность вынуждает общество придерживаться уровня традиционной самоидентификации. При этом молодые поколения склонны в большей степени игнорировать культурные устои, и соответственно, увеличивать культурный динамизм.

Список литературы

1. **Говорит Москва: Обычай обрезания у женщин в Дагестане назвали безопасным для здоровья** [Электронный ресурс]. URL: <http://govoritmoskva.ru/news/89325/> (дата обращения: 26.09.2016).
2. **Говорит Москва: Северокавказский муфтий объяснил шуткой свои слова об обрезании женщин** [Электронный ресурс]. URL: <http://govoritmoskva.ru/news/89603/> (дата обращения: 26.09.2016).
3. **Романова А. П.** Культурная безопасность как предмет философских дискуссий // Гуманитарные исследования. 2012. № 4. С. 258-263.
4. **Ширяев В.** Антиномии культурной безопасности // Власть. 2009. № 10. С. 98-100.

5. Якушенко С. Н. От культурной безопасности к культурному осознанию // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 10 (19). С. 60-62.
6. DeMelo M. Encyclopedia of Body Adornment. Westport: Greenwood, 2007. 326 p.
7. Female Genital Mutilation/Cutting: a statistical exploration [Электронный ресурс] / Unicef. URL: http://www.unicef.org/publications/index_29994.html (дата обращения: 10.10.2016).
8. Hendry J., Raveri M. Japan at Play. The Ludic and the Logic of Power. L.: Routledge, 2002. 309 p.
9. Momoh C. Female Genital Mutilation. Oxford: Radcliffe Publishing, Ltd., 2005. 172 p.
10. New Zealand Scholar Turned Away at Japan Baths for Maori Face Tattoo [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theaustralian.com.au/news/world/the-times/new-zealand-scholar-turned-away-at-japan-baths-for-maori-face-tattoo/news-story/d143642569f45b18b50766d9e99ca7a1> (дата обращения: 26.09.2016).
11. Robertson C. The Little Red Book of Wine Law: A Case of Legal Issues. Chicago: ABA Publishing, 2008. 165 p.
12. Stolley K. S. The Basics of Sociology. L.: Greenwood Press, 2005. 305 p.
13. Tattooed Maori Woman Barred from Japanese Public Bath [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc.net.au/news/2013-09-13/tattooed-maori-woman-barred-from-japanese-public-bath/4957234> (дата обращения: 26.09.2016).
14. Toubia N. Female Genital Mutilation: a Call for Global Action. Rainbo, 1995. 48 p.
15. Williams R. Cultural Safety – What Does It Mean for Our Work Practice? [Электронный ресурс]. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-842X.1999.tb01240.x/abstract> (дата обращения: 26.09.2016).

CULTURAL SAFETY VERSUS CULTURAL TRADITION

Yakushenkova Olesya Sergeevna, Ph. D. in Philosophy
Astrakhan State University
jestershadow@mail.ru

The article considers examples of clash of different variants of interpreting the term “cultural safety”. The author pays attention to the analysis of the notion of safety tracing the boundaries of this phenomenon in the modern world. By concrete examples the paper shows that yearning for defending and protecting culture does not always lead to desired consequences and can cause the opposite result. The paper also examines traditions that are potentially dangerous to people’s life and health.

Key words and phrases: cultural safety; tradition; danger; tattoos; circumcision; cultural dynamics; cross-cultural communication.

УДК 304.4

Философские науки

В статье актуализируется проблема лингвосоциокультурных ценностей общества как вида духовных ценностей, раскрывается их участие в построении общественных отношений, а также осуществляется классификация таких ценностей с учетом их субъектной принадлежности, функциональной направленности и ее проекции на региональный, национальный и наднациональный уровни социального бытия. Показано, что целесообразность такой классификации обуславливается идентификационными и институциональными процессами в обществе.

Ключевые слова и фразы: духовные ценности; лингвосоциокультурные ценности; национальный язык; этнический язык; мировой язык.

Янкова Наталия Алексеевна, к. филол. н., доцент
Международный юридический институт, г. Москва
natachayankova@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Функционирование любого социального субъекта базируется на определенных ценностях, а трансформация его ценностных ориентиров приводит в конечном итоге к трансформации общественных отношений [1]. При этом ценности таких социальных субъектов, как этнические общности, в пределах полиэтнического общества могут не совпадать, что может стать причиной межэтнических противоречий и конфликтов, поэтому задача государства – гармонизация ценностных систем социальных субъектов, способствующая гармонизации общественных отношений.

Среди духовных ценностей общества, которые могут порождать этнополитические и этнокультурные противоречия, следует выделять лингвосоциокультурные ценности, предметной формой выражения которых являются национальные интересы конкретного общества, представленные в языковой сфере. Лингвосоциокультурные ценности общества понимаются нами как вид духовных ценностей, исторически структурирующих социокультурные отношения в обществе посредством определения и развития функциональных